

«РЕКВИЕМ ПО ЮНОСТИ»

«Май жестокий» мы ненавидели и боялись с Лёнкой Колгановым всегда. Все годы нашей дружбы, начатой в далёком и юном 1972 году. Сколько бед нам пришлось пережить в этот сакральный месяц за истекшие годы! Кончину многих друзей-поэтов. Смерть моей мамы. Отъезд Леонида в 1992 году на Землю, не ставшую ему Обетованной.

И вот финал — скоропостижная смерть любимого друга в мае 2019 года, за месяц до его 64-летия. Вместе с ним от меня ушла способность к сочинительству. Не уверен, что она ещё вернётся. Поэтому я просто приведу замечательные слова о Лёне, написанные ранее нашим редактором — Эвелиной Ракитской: «Леонид Колганов — поэт не просто „русскоязычный“, но по-настоящему, я бы даже сказала — отчаянно — русский. Поэзия его полифонична, многоголоса. Поэтический голос Колганова — не одинокая скрипка, а звучание эфира...».

А поведать о непростой жизни нашего общего друга я попросил Сашу Климова, ибо, когда пытаюсь сам что-нибудь рассказать о человеке, который до последних дней именовал меня в письмах «Андрюшенька», у меня дрожит рука и наворачиваются слёзы.

«На годах-камнях семидесятых // Наше поколение полегло...» отчаянно «выдохнул» когда-то ещё очень давно Лёня... Потом я взял эти строки эпитафией к своему стихотворению, посвящённому ему. Нет, мы не полегли. Мы — выжили. Превратились в настоящих русских поэтов и только теперь начинаем «выбывать» туда, куда поэтическое воображение давно «отправило» нас.

Уходят поэты-семидесятники. Но их лучшие строки остаются на страницах «Дня поэзии» — вневременного альманаха, ставшего «мостом» между поэтическими поколениями. Верую, что переход через Лету по этому мосту станет благосердным для Леонида Колганова.

P.S. Удивительно (а может быть как раз наоборот), что примерно за полгода до своей кончины Леонид написал пророческое стихотворение, напечатав его за неделю до своей смерти. С мистикой он всегда был на «ты».

Без него она практически исчезнет из русской поэзии, а нам будет неуютно и одиноко. Исчезнет «драйв», как скажет нынешнее, пока ещё малопонятное поколение.

Прощай, Лёня!

ПОСЛЕДНИЙ ПОСТСМОГИСТ

Даже не помню, где и когда я увидел Леонида Колганова впервые, но помню отчётливо, как завязалась наша дружба. В солнечный весенний день мы вышли из редакции Совписа, Лёня прервал молчание: «Я долго к тебе приглядывался, к тебе и к твоим стихам, приходи завтра вечером в Переведеновский переулок». Так я впервые оказался у Лёни на квартире и был введён в круг его друзей. Квартира вместила в себя поэтов: Шацкова, Касьянова, Суглобову, Михаила Василевского, Богатову, Кудрякову, это только те из упомянутых, кто запечатлелся в памяти, круг этот впоследствии варьировался и менялся, а наша приязнь оставалась неизменной. Я только пробовал писать, Лёня же был сформировавшимся поэтом с толстой тетрадкой рукописных стихов, которые даже такой мэтр, как Юрий Влодов, иногда тайно читал на вечерах, не считая зазорным лучшие выдавать за свои. Хотя сам Влодов считался в узких кругах общепризнанным авторитетом. Стихи Колганова врезались в память мгновенно с первого раза, завораживали своей стихией и энергетикой. Левая рука, заведённая назад, правая, согнутая в локтевом суставе с вывернутой внешней стороной ладошкой, жест диктатора, время от времени передёргивание усов, вылетающие со свистом строчки — кто видел и слышал колгановское чтение, едва ли забудет, и вряд ли забудутся стихи, ставшие для меня со временем вехами:

В чёрные голые ветки —
Волком — меж ночью и днём,
Толь от себя, толь от Светки
Я ускользну с декабрём.
Нежные и снеговые
Снова воротимся в дом,
Очи её гулевые,
Словно ножи за углом,
Скользкою сузятся мезью,
Встанут обидою годы,
Вечное несоответствие
Женщины и свободы...
(«Светлана и декабрь»)

Среди льдистой корки старо-Русской,
Где вода, как тёмная слюда,
Я твоей ступнёй, босой и узкой,
Ревностно изрезан навсегда.
(«Прощание у старой Рузы»)

Я жду тебя, — и боль моя сквозная
С твоею ноженькой средь режущих дорог,
Идёшь ты каждой жилкою родная,
Мой пыточно-привычный сапожок.
Грядёшь средь марта, колкого и злого,
Неброскою сиренью, чуть снежна,
Чтоб у капризной женщины былого
Два лунных слова выкрасть — Ночь нежна!

У памятника в шесть я жду жену чужую,
Проходит час — Она всё не идёт,
Проходит век — И тот же март, бушуя,
Поэзии бессвязный бред несёт!
(«И тот же март...»)

Это у Лёни я впервые прочитал Бродского, отксеренного с книг издательства «Ардис»: «Конец прекрасной эпохи», «Остановка в пустыне», это с его голоса я впервые услышал «Красные помидоры» Чичибабина, стихи Кузнецова, Рейна, Чухонцева. Кто знает, не встретишься мы, никогда бы я не дорос до высот толстых литературных журналов.

Лёня формировал мой вкус. Триумвират (Шацков, Колганов, Климов) привёл нас к первой книге на троих, назвали мы её символично «Триптих».

Как в писательстве, так и в дружбе, мы были в это время неразлучны. Андрей гусарил, Лёня шалил, все трое мы сильно пили. Книга «Триптих» вышла в количестве пяти тысяч экземпляров и явилась первым коммерческим проектом времён перестройки. Большую часть мы развезли по квартирам, остальная почему-то отправилась в Минск, где продавалась в нарузку к колбасе.

Именно в нынешнем году мы планировали издать «Триптих-2», в ознаменование тридцатилетия выхода нашей первой книги. В январе Лёня приехал в Москву, и мы в полном составе встретились у меня на квартире. Вспоминали минувшие дни, обсуждали планы на будущее. Как отрадно, что эта встреча состоялась. Встреча, которая оказалась прощанием с Лёней.

Когда встал вопрос об отъезде Лёни в Израиль, куда собрались уезжать его мама и отчим, не было и речи о том, что в Москве он останется один (Лёня астматик, инвалид детства), родственники задумали его женить.

Новая жена, переехав на Бауманскую, выбросила все шкафы и потёртые кресла на помойку вместе со стареньким холодильником ЗИЛ, обставив квартиру новым гарнитуром — гостиной и спальней. Замужество оказалось непродолжительным; поэзия её не интересовала, а друзья повергали в уныние и скуку. Вскоре, хвала Господу, она съехала, а с помойки водворились назад кресла, шкафы и холодильник, за два месяца на них так никто и не позарился. Впоследствии они вместе с хозяином переселились в Израиль. Уезжая в 1992-м, в 2013 году мой друг приехал в Россию получать премию журнала «Юность» всё в той же кожаной кепке, в том же пальто, в котором он ходил когда-то по Москве.

Прожив в городе Кирьят-Гате двадцать лет, и будучи его почётным гражданином, он не знал в нём ни одного магазина за исключением отдела в торговом центре, где он время от времени покупал шубункинов и красных шапочек для своих аквариумов — единственным оставшимся увлечением, которым он пытался когда-то заразить и меня в наших блужданиях по птичьему рынку. Поэзия всегда была, разумеется, — главным в жизни. В своей надбытности он был гениален.

Ещё в Москве, приехав к нему на Бауманскую, я застал его за приготовлением макарон, которые он высыпал из пачки на сковородку, подливая масло и помешивая. Единственно что никогда не исчезало из его холодильника — трёхлитровая банка томата и кусок сыра. Лёня творил могучим воображением свой поэтический мир, где вещи, важные для обывателя, не имеют абсолютно никакого значения, потому в его реальном мире всегда царил неорганизованный хаос: фигурки драконов, которые он лепил из пластилина, соседствовали с клочками вчера написанных стихов, гранёные стаканы с ободками лиловой жидкости на дне ожидали новой порции пива или портвейна на журнальном столике.

И только приходящие друзья возвращали его в пространство и время сиюминутного проживания. Мне всегда казалось, что, как человек, Лёничка был больше своих стихов. Намного чаще случается наоборот. Очень тонко настроенный на едва уловимые движения мира, на стихи предшественников и друзей, к которым он был необыкновенно добр

и чуток, мой друг был нетерпим ко всякой фальши как в стихах, так и в дружбе. Как раньше в его московской квартире не переводились многочисленные приятели, так и в Израиле к нему приезжали и останавливались у него многочисленные визитёры.

Всех он встречал и окружал своим фирменным радушием. Его личное обаяние зашкаливало. Прежде всего его интересовала жизнь в России, которую он так и не перестал за двадцать семь лет разлуки считать истинной родиной. Любая публикация в Москве, весточка от друга радовали его до безмерности. Всё это свидетельствует о широте его натуры, о любви к ближнему, да и в его стихах прежде всего во главе угла стоял человек, и только потом всё, что ему сопутствует, все внешние атрибуты, незримые слёзы, и зримые следы ногтей. Круг его друзей расширялся повсюду.

Вплоть до безвременной кончины, Леонид вёл два литобъединения в городах, в которых проживал — в Кирьят-Гате и Беэр-Шеве. Его любили, и с ним дружили поэты Иерусалима и Тель-Авива. В нём всегда было объединяющее начало, и к нему, светлому и чистому, многие тянулись, просились в дружбу. В поэзии масштаб личности задавал большие художественные задачи. Исторические реалии и литературные герои вошли в его стихи отождествлённой метафорой.

Времена и события из разных эпох присутствуют в них одновременно.

Удивительно, как во всех этих смешениях историй и персоналий непонятным образом ему удаётся сохранить своего лирического героя.

Пожалуй, проиллюстрирую свою мысль колгановскими стихами «Полифемы» («Полифемам» от поэзии и критики):?

Вы проходите мимо алмазов,
Вы проходите мимо жемчужин,
Вечный свет ослепительных стразов
Вам — как плач Ярославны не нужен!
Не нужны вам и слёзы Рахили,
Вы проходите мимо шкатулок,
И в Москве, — а теперь Израиле —
Вы проходите мимо Катулов.
Так — больны слепотою куриной,
Проходили вы мимо Марины!
Так в года — на стихи «бесхлебные»
Вы прошли мимо хлеба Хлебникова!
Так в застойные годы-каиновы
Проходили вы мимо Губанова.
.....
Иссушённые суховеем,
Ослеплённые Одисеем,
Оскоплённые — ночи — скопцами,
Вы циклопы слепые! Чёрт с вами!
Проходите, но только с концами!

Вот видите тут соединилось несоединимое, всё работает на нерв стиха и плач Ярославны и слёзы Рахили.

Или вот ещё:

Поэзия, с тобой мы отступаем,
И, как Кутузов, вновь Москву сдаём,
И вне её пределов отмираем,
А вне своих пределов просто мрём!

Вот ещё:

Как беглый сын перед Петром,
Я пред тобой стою, немея,
Давно смирясь с твоим судом,
И лгать тебе уже тебе не смея.

Это уже образ, применительный к лирическому герою, а само стихотворение называется «Сцена ревности».

Ещё:

С того ли, с этого ли света
Меня опять берёшь в полон,
Как рыжая Елизавета,
На миг отбросив честь и трон...
(«Старая любовь»).

И эти отождествлённые метафоры присутствуют у Колганова почти во всех стихах. В этом он схож с Леонидом Губановым, чьим учеником он себя считал, но был в методе более последовательным, так как отождествлённые метафоры в его стихах являлись лишь частью развёрнутой, глобальной метафоры.

Как никто другой, Лёня соответствовал розановскому определению: талант — вопрос физиологии. Из исключенных, с разбега, иногда чуть неряшливых стихов проступал лик поэта, его жар и темперамент.

Он терпеть не мог причёсанных, сделанных, рафинированных стихов. Как-то на семинаре у Храмова и Балашова выдал перл, заметив одному эстетствующему сочинителю: «В ваших стихах говнеца не хватает». Сам же поэт ценил в словесном ремесле, вслед за Мандельштамом, сумасшедший нарост, дикое мясо. Как мало в современных стихах этого дикого мяса, поэтического безумия и как много было его в стихах Леонида Колганова.

Жаль, что его не стало на пике всеохватной отзывчивости. Именно стихи последних шести лет поражают своей развёрнутостью, крупным охватом и масштабом. Сохранив в себе всё лучшее из раннего Колганова, Лёня нарастил свой дар, стал по-новому интересен. Смерть по какому-то нелепому сценарию настигла его в Польше, в Израиле он наверняка бы был спасён, там работают лучшие кардиологи в мире. Так три земли определили начало, конец и вечное погребение поэта (Россия, Польша, и Израиль). Но и в жизни, и в смерти Лёня Колганов остаётся для меня един.

Просто поставлена точка в последней строке.

МОЙ ГОСТЬ

В могилы чёрную постель
Я лёг вдали от хаты,
Лежу за тысячу земель
От Родины проклятой!

Но там я свой оставил хвост,
И не пройти мне мимо,
Лежу за сотни тысяч вёрст
От Родины любимой!

Оставил душу там, не хвост,
Отбросив здесь копыта,
Но снова я смотрю на Ост,
Где Родина забыта!

Пускай покинул я её,
Ещё во время Оно,
Там всё моё, там всё моё
И даже смерти лоно!

И там блуждает средь могил
Душа моя живая,
Как будто только ею жил,
Её не покидая!

И вижу — движется погост,
В своё он манит лоно,
И, как живой, там бьётся хвост
Метельного дракона!

Пронзив насквозь сто тысяч вёрст,
Прорвав границ охрану,
Ко мне пришёл Руси погост,
Как Командор к Жуану!

Дохнул он русскою зимой,
Чтоб мне в снегах согреться...
И мнится, — он пришёл за мной,
И никуда не деться!

Кирьят-Гат, Израиль